

Библейские представления о царе и царстве в передневносточном контексте

1. В процессе генесиса царственности на Древнем Переднем Востоке религиозный фактор можно считать определяющим. Модель священного царства с царем-посредником во главе, возникшая на грани IV-III тыс. в долине Нила и Междуречье и более или менее проявленная и у хурритов, и у хеттов, и у западных семитов, стала в средне- и передневносточном культурном регионе III-I тыс. доминирующим приемом, посредством которого человек пытался решить вечный вопрос своего возвращения к Богу. Идея царской власти как политического института вторична по отношению к представлению о божественном царском правлении. Царь в Египте был ритуальным эквивалентом Бога-Творца, имевшим огромное сотериологическое значение. В культуре Месопотамии больше акцентирована человечность правителя, но за видимым различием парадигм царственности усматривается их единство. И в Египте, и в Месопотамии правитель священного царства был фигурой ритуальной, причастной двум мирам (Небу и земле), посредством которой осуществлялось спасительное для всех граждан этого царства соединение божественного и земного миров, восстановление ситуации божественного царствования, обеспечивался перевес жизни над смертью для всех царских верноподданных – и живых, и умерших.
2. Рассмотрение в историко-религиозной перспективе представлений о царственности в Израиле позволяет найти новые подходы к решению достаточно давно выявленной в библеистике проблемы наличия в библейском повествовании двух различающихся оценкой института царственности традиций. С одной стороны, требование царя однозначно осуждается Господом и Его пророком Самуилом (1Цар.8) как соделанный народом грех, свидетельство отречения от Господа как Единственного Царя. С другой стороны, в том же фрагменте 1Цар. 7-12 инициация события установления царственности возводится к Самому Богу, Который, вняв воплю народа, дал ему спасителя [1Цар.9:16], и эти две линии прослеживаются далее в девтерономической истории. Долгое время данная проблема решалась на основе историко-критического метода (решающую роль здесь сыграли работы Ю.Велльгаузена), в рамках которого указанная амбивалентность объяснялась расхождением позиций позднего редактора (девтерономиста) и обрабатываемых им источников. Узость такого подхода отмечалась многими исследователями, видевшими в амбивалентности библейского повествования особый прием, посредством которого его составитель создал цельную картину, выявляющую связанную с монархией в Израиле *теологическую проблему* [Gerbrandt, McCarthy, Mayes].
3. Указание на необходимость рассмотрения феномена царственности в Израиле в перспективе историко-религиозного дискурса содержится в самом требовании царя, *как у прочих народов*, повторенном в библейских текстах неоднократно. Проведенные еще в середине XX века исследования показали, что становление государственности в Израиле происходило в соответствии с законами и обычаями, существовавшими у соседних народов, и представления о царе и царстве, сформировавшиеся в Израиле, в очень

большой степени находятся в зависимости от сопредельных Израиллю культур.

4. Монархия была установлена в древнем Израиле по образу сопредельных ему народов, но возникшая в мистериальных культурах Древнего Переднего Востока модель священного царства не могла быть реализована в Израиле, чей царь не являлся фигурой ритуальной, действующей в сакрально-культурном пространстве, соединителем миров, победителем смерти. В *законах о царе* [Втор.17:15b–17,20] прерогативы царского правления редуцируются до вспомогательного статуса – правитель Израиля есть лишь глава государства, чья роль в жизни народа Божия несопоставима с ролью передневожточных монархов-космократоров. В девтеронимической истории царственность играет важнейшую роль, но в фокусе этой истории все же находится не она, а народ Божий, и то выдающееся значение, которое придается этому институту автором девтеронимического историописания, обусловлено его значимостью для истории народа Божия, истории Спасения. Взгляд девтеронимиста на царственность сформировался, с одной стороны, под влиянием передневожточных представлений о царе как лице, имеющем отношение не столько к сфере политики, сколько к области религии, чьей обязанностью является поддержание благобытия народа, мира и справедливости, а, с другой, отражает специфику вероучения религии Израиля, в которой отношения Яхве со Своим народом строятся не на основе ритуала, но на основе *союза-завета*.
5. В нередкие периоды богоотступничества цари Израиля и Иуды весьма тяготели к присвоению себе полномочий «божественных» монархов великих передневожточных империй, подтверждением чему служит, в частности, обилие обнаруженных на территории Израиля и Иуды египетских и ханаанейских изобразительных мотивов, в т.ч. содержащих царскую символику, относящихся к периоду Iron Age IIА - IIВ (1000-720/700 до н.э.). Именно цари, как показано девтеронимистом, несут ответственность за ассимиляцию народом Божиим, не сумевшим распознать смысл своего призвания и уникальности своего пути, многих элементов чуждых религии ветхозаветного Израиля культов, вплоть до того, что синкретизм оставался преобладающей чертой в культе Яхве в Иерусалиме до самых последних дней первого Храма. Между нечестивыми деяниями царей и последующими бедствиями всегда существует внутренняя связь, прослеживаемая девтеронимистом [н-р, 4Цар.13:1-9; 16:5]. Т.о., израильская царственность с самого начала характеризовалась нестабильностью, находясь в поле действия двух сил: забвение Бога отцов влекло за собой возрастание силы притяжения Израиля и Иуды к передневожточной модели священного царства, покаяние же, обращение к Господу Богу своему, напротив, порождало силу отталкивания от этой модели.
6. Требование народом Израильским царя, «как у прочих народов», представляется в историко-религиозной перспективе сознательно сделанным выбором не политического устройства, но чуждого вере отцов способа богопочитания и *пути спасения* – опасность религиозного синкретизма многократно возросла в Израиле именно с установлением царственности. Две сквозные темы, проходящие через все девтеронимическое историописание: нарастание греха неугодного Яхве богопочитания по образу «прочих народов» и сохранение сквозь все превратности истории престола Давидова, выявляют теологическую проблему, поставленную

автором библейского историописания, *намеренно* привнесшего в свой труд двойственность в отношении института царской власти в Израиле.

7. Идея неразрывной связи образов царя и спасителя нашла выражение в мессианских надеждах, формированием и развитием которых разрешился в Израиле кризис земной царственности. В эпоху Второго Храма под влиянием пророческой традиции возникает образ будущего Царя, соединяющего Божественное и человеческое, коррелирующий с образом правителя в передневносточных культурах и просвечивающий в образе царя Давида, как он представлен в девтерономической истории. Пророческая проповедь беспредельно расширила перспективу, в которой может быть рассмотрена проблема царственности в Израиле. Земное царство сына Давидова осмысливается и пророками, и девтерономистом как символический прообраз грядущего царства нового Давида.
8. Исконно сотериологической нагрузкой царского титула в окружающем Израиль культурном пространстве, известной и в среде народа Божия, сопряжением с этим титулом несвойственной ветхозаветной религии идеи посредничества, объясняется регулярное усвоение его Иисусу – Истинному Спасителю мира, Который не был признан «своими», но Которого предчувствовали народы двух великих передневносточных цивилизаций, ожидавшие от «князя, от сына человеческого» того спасения, которое мог дать лишь Сын Божий, восприявший человеческое естество.